

Зинаида Гиппиус

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ. 1914-1918

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

1913 г.

По Слову Извечно-Сущего
Бесменен поток времен.
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.

С паденьем идет, с победою?
Оливу несет иль меч?
Лица его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.

Летят не здешними птицами
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами...
Как удержу их лет?

И в тесноте, в перекрестности, –
Хочу, не хочу ли я, –
Черную топь неизвестности
Режет моя ладья.

ТИШЕ

...Славны будут великие дела...
Ф. Сологуб

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.

В часы неоправданного страданья

И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы.

Август 1914

АДОНАИ

Твои народы вопиют: доколь?
Твои народы с севера и юга.
Иль ты еще не утолен? Позволь
Сынам земли не убивать друг друга!

Не ты ль разбил скрижальные слова,
Готовя землю для иного сева?
И вот опять, опять ты – Иегова,
Кровавый Бог отмщения и гнева!

Ты разлил дым и пламя по морям,
Водою алою одел ты сушу.
Ты губишь плоть... Но, Боже, матерям –
Твое оружие проходит душу!

Ужели не довольно было Той,
Что под крестом тогда стояла, рано?
Нет, не для нас, но для Нее, Одной,
Железо вынь из материнской раны!

О, прикоснись к дымнобагровой мгле
Не древнею грозною, а – Любовью.
Отец, Отец! Склонись к Твоей земле:
Она пропитана Сыновней кровью.

1914

ОТДЫХ

Слова – как пена,
Невозвратимы и ничтожны.
Слова – измена,
Когда молитвы невозможны.

Пусть длится дленье.
Не я безмолвие нарушу.
Но исцеленье
Сойдет ли в замкнутую душу?

Я знаю, надо
Сейчас молчанью покориться.
Но в том отрада,
Что дление не вечно длится.

1914

«ПЕТРОГРАД»

Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук
Смел оскорбить, отняв хотя бы слово,
Смел изменить хотя б единый звук?

Не мы, не мы... Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится нас!
Все мечутся, да чьи-то ризы делят,
И все дрожат за свой последний час.

Изменникам измены не позорны.
Придет отмщению своя пора...
Но стыдно тем, кто, весело-покорны,
С предателями предали Петра.

Чему бездарное в вас сердце радо?
Славянщине убогой? Иль тому,
Что к «Петрограду» рифм гулящих стадо
Крикливо льнет, как будто к своему?

Но близок день – и возгремят перуны...
На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей!
Восстанет он, все тот же бледный, юный,
Все тот же – в ризе девственных ночей,

Во влажном визге ветренных раздолий
И в белоперистости вешних пург, –
Созданье революционной воли –
Прекрасно-страшный Петербург!

14 декабря 1914

ВСЕ ОНА

Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,

Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? Где свои?

Нет напрасных ожиданий,
Не достигнутых побед,
Но и сбывшихся мечтаний,
Одолений – тоже нет.

Все едины, все едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

1914

БЕЛОЕ

Рождество, праздник детский, белый,
Когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша ли душа хотела,
Чтобы запылали зори красные?

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?
Звезда Вифлеемская за дымами алыми...
И мы не знаем, где Царские ясли,
Но все же идем ногами усталыми.

Мир на земле, в человеках благоволение...
Боже, прими нашу мольбу несмелую:
Дай земле Твоей умиренье,
Дай побеждающей одежду белую...

1914

МОЛОДОМУ ВЕКУ

Тринадцать лет! Мы так недавно
Его приветили, любя.
В тринадцать лет он своенравно
И дерзко показал себя.

Вновь наступает день рожденья...
Мальчишка злой! На этот раз
Ни празднества, ни поздравленья
Не требуй и не жди от нас.

И если раньше землю смели
Огнем сражений зажигать –
Тебе ли, Юному, тебе ли
Отцам и дедам подражать?

Они – не ты. Ты больше знаешь.
Тебе иное суждено.
Но в старые меха вливаешь
Ты наше новое вино!

Ты плачешь, каешься? Ну, что же!
Мир говорит тебе: «Я жду».
Сойди с кровавых бездорожий
Хоть на пятнадцатом году!

1914

НЕИЗВЕСТНАЯ

Ник. С-му

Что мне делать со смертью – не знаю.
А вы, другие, – знаете? Знаете?
Только скрываете, тоже не знаете.
Я же незнания моего не скрываю.

Как ни живи – жизнь не ответит,
Разве жизнью смерть побеждается?
Сказано – смертью смерть побеждается,
Значит, на всех путях она встретит.

А я ее всякую – ненавижу.
Только свою люблю, неизвестную.
За то и люблю, что она неизвестная,
Что умру – и очей ее не увижу...

1915

ЗЕЛЕНЬ ЦВЕТОК

Зеленолистому цветку привет!
Идем к Зеленому дорогой красною,
Но зелен зорь весенних тихий цвет,
И мы оваяны надеждой ясною.

Пускай он спит, закрыт, – но он живет!

В Страстном томлении земля весенняя...
Восстань, земля моя? И расцветет
Зеленопламенный в день воскресения.

1915

«СВОБОДНЫЙ» СТИХ

Приманной легкостью играя,
Зовет, влечет свободный стих.
И соблазнил он, соблазняя,
Ленивых, малых и простых.

Сулит он быстрые ответы
И достиженья без борьбы.
За мной! За мной! И вот, поэты –
Стиха свободного рабы.

Они следят его извивы,
Сухую ломкость, скрип углов,
Узор пятнисто-похотливый
Икающих и пьяных слов...

Немало слов с подолом грязным
Войти боялись... А теперь
Каким ручьем однообразным
Втекают в сломанную дверь!

Втекли, вшумели и выплились...
Гогочет уличная рать.
Что ж! Вы недаром покорились:
Рабы не смеют выбирать.

Без утра пробил час вечерний,
И гаснет серая заря...
Вы отданы на посмех черни
Коварной волею царя!

.....

А мне – лукавый стих угоден.
Мы с ним веселые друзья.
Живи, свободный! Ты свободен –
Пока на то изволю я.

Пока хочу – играй, свивайся
Среди ухабов и низин.
Звени, тянись и спотыкайся,
Но помни: я твой властелин.

И чуть запросит сердце тайны,
Напевных рифм и строгих слов, –
Ты в хор вольешься неслучайный
Созвучно-длинных, стройных строф.

Многоголосы, тугозвонны,
Они полетны и чисты –
Как храма белого колонны,
Как неба снежного цветы.

1915

НЕ О ТОМ

(Отвечавшим)

Два ответа: лиловый и зеленый,
Два ответа, и они одинаковы,
Быть может – и разны у нас знамена,
Быть может – своя дорога у всякого,
И мы, страдая, идем, идем...
Верю... Но стих-то мой не о том.

Стих мой – о воле и власти.
Разве о боли? Разве о счастье?
И кем измерено, и чем поверено
Страданье каждого на его пути?
Но каждому из нас сокровище вверено,
И велено вверенное – донести.

Зачем же «бездомно скучая» ищем
На «мерзлом болоте» вялых вех,
Гордимся, что слабы, и наги, и нищи?
Ведь «город прекрасный» – один для всех.
И надо, – мы знаем, – навек ли, на миг ли
Надо, чтоб города мы достигли.

Нищий придет к белым воротам
В рубище рабства, унылый, как прежде...
Что, если спросят его: кто там?
Друг, почему ты не в брачной одежде?

Мой стих не о счастье, и не о боли:
Только о власти, только о воле.

1915

МОЛОДОЕ ЗНАМЯ

Развейся, развейся, летучее знамя!
    По ветру вскрыли, троецветное!
Вставайте, живые, идите за нами!
    Приблизилось время ответное.
Три поля на знамени нашем, три поля:
    Зеленое – Белое – Алое.
Да здравствует молодость, правда и воля!
    Вперед! Нас зовет Небывалое.

1915

НЕРАЗНИМЧАТО

В нашем Прежде – зыбко-дымчато,
А в Теперь – и мглы, и тьмы.
Но срослись мы неразнимчато, –
Верит Бог! И верим мы.

1915

ЧЕРНЕНЬКОМУ

Н. Г.

Радостно люблю я тварное,
святой любовью, в Боге.
По любви – восходит тварное
наверх, как по светлой дороге.

Темноту, слепоту – любовью
вкруг тварного я разрушу.
Тварному дает любовь моя
    бессмертную душу.

1915

СВЕТ

Стоны,

Стоны,
Истомные, бездонные,
Долгие, долгие звоны
Похоронные,
Стоны,
Стоны...

Жалобы,
Жалобы на Отца...
Жалость язвящая, жаркая,
Жажда конца,
Жалобы,
Жалобы...

Узел туже, туже,
Путь все круче, круче,
Все уже, уже, уже,
Угрюмей тучи,
Ужас душу рушит,
Узел душит,
Узел туже, туже...

Господи, Господи, – нет!
Вещее сердце верит!
Боже мой, нет!
Мы под крылами Твоими.
Ужас. И стоны. И тьма... А над ним
Твой немеркнувший Свет!

1915

О ПОЛЬШЕ

Я стал жесток, быть может...
Черта перейдена.
Что скорбь мою умножит,
Когда она – полна?

В предельности суровой
Нет «жаль» и нет «не жаль».
И оскорбляет слово
Последнюю печаль.

О Бельгии, о Польше,
О всех, кто так скорбит, –
Не говорите больше!
Имейте этот стыд!

1915

ЕМУ

3. P.

Радостные, белые, белые цветы...
Сердце наше, Господи, сердце знаешь Ты.

В сердце наше бедное, в сердце загляни...
Ближних наших, Господи, близких сохрани!

1915

ОН

Он принял скорбь земной дороги,
Он первый, Он один,
Склонясь, умыл усталым ноги
Слуга – и Господин.

Он с нами плакал, – Повелитель
И суши, и морей.
Он царь, и брат нам, и Учитель,
И Он – еврей.

1915

ВТОРОЕ РОЖДЕСТВО

Белый праздник, – рождается предвечное Слово,
белый праздник идет, и снова –
вместо елочной, восковой свечи,
бродят белые прожекторов лучи,
мерцают сизые стальные мечи,
вместо елочной, восковой свечи.
Вместо ангельского обещастья,
пропеллера вражьего жужжания,
подземное страданье ожиданья,
вместо ангельского обещастья.

Но вихрям, огню и мечу
покориться навсегда не могу,
я храню восковую свечу,

я снова ее зажгу
и буду молиться снова:
родись, предвечное Слово!
затеpli тишину земную,
обними землю родную...

1915

ТОГДА И ОПЯТЬ

Просили мы тогда, чтоб помолчали
Поэты о войне, –
Чтоб пережить хоть первые печали
Могли мы в тишине.

Куда тебе! Набросились зверями:
Война! Войне! Войны!
И крик, и клич, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.

А после, вдруг, – таков у них обычай, –
Военный жар исчез.
Изнемогли они от всяких кличей,
От собственных словес.

И, юное безвременно состарив,
Текут, бегут назад,
Чтобы запеть, в тумане прежних марев,
На прежний лад.

1915

БЕЗ ОПРАВДАНИЯ

М. Г-му

Нет, никогда не примирюсь.
Верны мои проклятья.
Я не прощу, я не сорвусь
В железные объятья.

Как все, пойду, умру, убью,
Как все – себя разрушу,
Но оправданием – свою
Не запятнаю душу.

В последний час, во тьме, в огне,
Пусть сердце не забудет:
Нет оправдания войне!
И никогда не будет.

И если это Божья длань –
Кровавая дорога, –
Мой дух пойдет и с ним на брань,
Восстанет и на Бога.

1915

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живется – спится.
И все двоится, все четверится.
В прошлом грехов так неистово много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга...
А самое страшное, невыносимое, –
Это что никто не любит друг друга...

1916

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Полотенца луннозеленые
на белом окне, на полу.
Но желта свеча намоленая
под вереском, там, в углу.

Протираю окно запотелое,
в двух светах на белом пишу...
О зеленое, желтое, белое!
Что выберу?..
Что решу?

1916

СЕГОДНЯ НА ЗЕМЛЕ

Есть такое трудное,
Такое стыдное.
Почти невозможное –
Такое трудное:

Это – поднять ресницы
И взглянуть в лицо матери,
У которой убили сына.
Но не надо говорить об этом.

1916

НЕПОПРАВИМО

Н. Ястребову

Невозвратно. Непоправимо.
Не смоем водой. Огнем не выжжем.
Нас затоптал, – не проехал мимо!
Тяжелый всадник на коне рыжем.

В гущу вязнут его копыта,
В смертной вязи, неразделимой...
Смято, втоптанно, смешано, сбито –
Все. Навсегда. Непоправимо.

1916

«ГОВОРИ О РАДОСТНОМ»

В. Злобину

Кричу – и крик звериный...
Суди меня Господь!
Меж зубьями машины
Моя скрежещет плоть.

Свое – стерплю в гордыне...
Но – все? Но если все?
Терпеть, что все в машине?
В зубчатом колесе?

Ноябрь 1916

НА СЕРГИЕВСКОЙ

Н. Слонимскому

Окно мое над улицей низко,
низко и открыто настезь.
Рудолипкие торцы так близко
под окном, раскрытым настезь.

На торцах – фонарные блики,
на торцах все люди, люди...
И топот, и вой, и крики,
и в метании люди, люди...

Как торец, их одежды и лица,
они, живые и мертвые, – вместе.
Это годы, это годы длится,
что живые и мертвые – вместе!

От них окна не закрою,
я сам – живой или мертвый?
Все равно... Я с ними вою,
все равно, живой или мертвый.

Нет вины, и никто – в ответе,
нет ответа для преисподней.
Мы думали, что живем на свете...
но мы воем, воем – в преисподней.

Ноябрь 1916

ЮНЫЙ МАРТ

Пойдем на весенние улицы,
Пойдем в золотую метель.
Там солнце со снегом целуется
И льет огнерадостный хмель.

По ветру, под белыми пчелами,
Взлетает пылающий стяг.
Цвети меж домами веселыми
Наш гордый, наш мартовский мак!

Еще не изжито проклятие,
Позор небывалой войны.
Держайте! Поможет нам снять его
Свобода великой страны.

Пойдем в испытания встречные,
Пока не опущен наш меч.
Но свяжемся клятвой навечною
Весеннюю волю беречь!

8 марта 1917

ВСЯ

Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя – Земля!

Рощи лимонные – и березовые,
Месяца тихий круг.
Зори Сицилии, зори розовые, –
Пенье таежных вьюг.

Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман –
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн.

Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыханье, память страдающая,
Слез непролитых соль, –

Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственной,
Вместе, – и ты, и я!

1917

ПОЧЕМУ

О Ирландия, океанная,
Мной невиданная страна!
Почему ее зыбь туманная
В ясность здешнего вплетена?

Я не думал о ней, не думаю,
Я не знаю ее, не знал...
Почему так режут тоску мою

Лезвия ее острых скал?

Как я помню зори надпленные?
В черной алости чаек стон?
Или памятью мира пленною
Прохожу я сквозь ткань времен?

О Ирландия, неизвестная!
О Россия, моя страна!
Не единая ль мука крестная
Всей Господней земле дана?

Сентябрь 1917

ГИБЕЛЬ

Близки
кровавые зрачки,
дымящаяся пеной пасть...
Погибнуть? Пасть?

Что – мы?
Вот хруст костей... вот молния сознания
перед чертою тьмы...
И – перехлест страданья...

Что мы! Но – Ты?
Твой образ гибнет... Где Ты?
В сияние одетый,
бессильно смотришь с высоты?

Пускай мы тень.
Но тень от Твоего Лица!
Ты вдунул Дух – и вынул?
Но мы придем в последний день,
мы спросим в день конца, –
за что Ты нас покинул?

4 сентября 1917

ТЛИ

Припав к моему изголовью,
ворчит, будто выстрелы, тишина,
запекшейся черной кровью
ночная дыра полна.

Мысли капают, капают скупю,
нет никаких людей...
Но не страшно... И только скука,
что кругом – все рыла тлей.

Тли по мартовским алым зорям
прошли в гвоздевых сапогах.
Душа на ключе, на тяжком запоре.
Отврат... тошнота... но не страх.

28 – 29 октября 1917
Ночью

ВЕСЕЛЬЕ

Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил – засек кнутом?

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты...
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

29 октября 1917

ЛИПНЕТ

«Новой жизни» и пр.

Не спешите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла, –
пусть сначала красная демократия
себе добудет немножко мыла...
Детская-женская – особо въедчива,
вы потрите и под ногтями.
Соглашателям сесть опрометчиво
на Россию с пятнистыми руками.
Нету мыла – достаньте хоть месива,

чтобы каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: как бы не повесили
мельничного жернова вам на шею!

30 октября 1917

СЕЙЧАС

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, воители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель – пути...

9 ноября 1917

У. С.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и воздыхание, –
Учредительное Собрание, –
Что мы с ним сделали?

12 ноября 1917

14 ДЕКАБРЯ 17 ГОДА

Д. Мережковскому

Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли все святое:
И стыд души, и честь земли.

Мы были с ними, были вместе,
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И невесте
Солдатский штык проткнул глаза.

Мы утопили, с визгом споря,
Ее в чану Дворца, на дне,
В незабываемом позоре
И в наворованном вине.

Ночная стая свищет, рыщет,
Лед по Неве кровав и пьян...
О, петля Николая чище,
Чем пальцы серых обезьян!

Рылеев, Трубецкой, Голицын!
Вы далеко, в стране иной...
Как вспыхнули бы ваши лица
Перед оплеванной Невой!

И вот из рва, из терпкой муки,
Где по дну вьется рабий дым,
Дрожа протягиваем руки
Мы к вашим саванам святым.

К одежде смертной прикоснуться,
Уста сухие приложить,
Чтоб умереть – или проснуться,
Но так не жить! Но так не жить!

БОЯТСЯ

Щетинятся сталью, трясась от страха,
Залезли за пушки, примкнули штык,
Но бегают глаз под серой папахой,
Из черного рта – истошный рык...
Присел, но взгудел, отпрянул кошкой...
А любо! Густа темь на дворе!
Скользнули пальцы, ища застёжку,
По смуглым пятнам на кобуре...
Револьвер, пушка, ручная граната ль, –
Добру своему ты господин.

Иди, выходи же, заячья падаль!
Ведь я безоружен! Я один!
Да крепче винты, завинчивай гайки.
Нацелься... Жутко? Дрожит рука?
Мне пуля – на миг... А тебе нагайки,
Тебе хлысты мои – на века!

12 января 1918

ОНА

Опять она? Бесстыдно в грязь
Колпак фригийский сбросив,
Глядит, кривляясь и смеясь,
И сразу обезносев.

Ты не узнал? Конечно – я!
Не те же ль кровь и раны?
И пулеметная струя,
И бомбы с моноплана?

Живу три года с дураком,
Целуюсь ежечасно,
А вот, надула колпаком
И этой тряпкой красной!

Пиши миры свои, – ты мой!
И чем миры похабней –
Тем крепче связь твоя со мной
И цепи неослабней.

Остра, безноса и верна –
Я знаю человека.
Ура! Да здравствует Война,
Отныне и до века!

Январь 1918

ТАК ЕСТЬ

Если гаснет свет – я ничего не вижу.
Если человек зверь – я его ненавижу.
Если человек хуже зверя – я его убиваю.
Если кончена моя Россия – я умираю.

Февраль 1918

МОСТЫ

И. В.

Говорить не буду о смерти,
и без слов все вокруг – о смерти.
Кто хочет и не хочет – верьте,
что живы мертвые.

Не от мертвых – отступаю,
так надо – я отступаю,
так надо – я мосты взрываю,
за мостами – не мертвые...

Перекрутились, дымясь, нити,
оборвались, кроваваясь, нити,
за мостами остались – взгляните!
Живые – мертвее мертвых.

Февраль 1918

ИМЯ

Безумные годы совьются во прах,
Утонут в забвенье и дыме.
И только одно сохранится в веках
Святое и гордое имя.

Твое, возлюбивший до смерти, твое,
Страданьем и честью венчанный.
Проколет, прорежет его острие
Багровые наши туманы.

От смрада клевет – не угаснет огонь,
И лавр на челе не увянет.
Георгий, Георгий! Где верный твой конь?
Георгий Святой не обманет.

Он близко! Вот хруст перепончатых крыл
И брюхо разверстое Змия...
Дрожи, чтоб Святой и тебе не отмстил
Твое блудодейство, Россия!

Апрель 1918

ДВЕРЬ

Мы, умные, – безумны,
Мы, гордые, – больны,
Растленной язвой чумной
Мы все заражены.

От боли мы безглазы,
А ненависть – как соль,
И ест, и травит язвы,
Ярит слепую боль.

О черный бич страданья!
О ненависти зверь!
Пройдем ли – Покаянья
Целительную дверь?

Замки ее суровы
И створы тяжелы...
Железные засовы,
Медяные углы...

Дай силу не покинуть,
Господь, пути Твои!
Дай силу отодвинуть
Тугие веревки!

Февраль 1918

НА ПОЛЕ ЧЕСТИ

О, сделай, Господи, скорбь нашу светлую,
Далекой гнева, боли и мести,
А слезы – тихой росой предрассветною
О нем, убиенном на поле чести.

Свеча ль истает, Тобой зажженная?
Прими земную и, как невесте,
Открой поля Твои озаренные
Душе убиенного на поле чести.

Февраль 1918

НЕТ

Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, – знайте!
И близко ее воскресенье.

Февраль 1918

Печатается по: Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 5. Чертова кукла: Романы. Стихотворения. – М.: Русская книга, 2002

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>